

Александр Александрович Формозов — историк и археолог. Родился в 1928 г. в Москве. В 1951 г. окончил исторический факультет Московского университета и поступил в аспирантуру Института археологии Академии наук. После защиты кандидатской диссертации в 1954 г. проработал в институте 50 лет. Занимался первобытной археологией (раскопки в Крыму и на Кавказе в 1950–1969 гг., книги: «Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке» (1959), «Каменный век и энеолит Прикубанья» (1965)), первобытным искусством («Очерки по первобытному искусству» (1969); «Памятники первобытного искусства на территории СССР» (1980), «Наскальные изображения и их изучение» (1987)) и историей науки. В книгах «Страницы истории русской археологии» (1986), «Пушкин и древности» (2000), «И. Е. Забелин» (2001), «Классики русской литературы и историческая наука» (1995) и др. рассматривал развитие археологии и исторической науки в нашей стране на широком историко-культурном фоне, стремясь определить их место в системе русской культуры. Данная работа принадлежит к последней серии и суммирует исследования автора 1988—2003 гг.

**РУССКИЕ АРХЕОЛОГИ
В ПЕРИОД ТОТАЛИТАРИЗМА**

А. А. Формозов

РУССКИЕ АРХЕОЛОГИ
В ПЕРИОД ТОТАЛИТАРИЗМА

Историографические очерки

«ЗНАК»
Москва
2006

ББК 63.4(2)
Ф 79

Формозов А. А.

Ф 79 Русские археологи в период тоталитаризма: Историко-графические очерки. 2-е изд., доп. — М.: Знак, 2006. — 344 с.

ISBN 5-9551-0143-8

В ряде очерков, вошедших в эту книгу, автор рассматривает взаимоотношения ученых-археологов с навязывавшей им свою волю властью, преимущественно в 1920—1930-х годах. Рассказано об археологах — жертвах репрессий, о разрушении памятников культуры в СССР и о том, как воспринимала акции власти русская интеллигенция.

ББК 63.4(2)

© А. А. Формозов, 2006
© Знак, 2006

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

От автора	7
Русские археологи до и после революции	13
1. Истоки	13
2. Дворянский дилетантизм и археологи-чиновники	20
3. Разночинцы — просветители и археологи-профессионалы	26
4. Уезжать или оставаться? (1917—1921)	33
5. В годы НЭПа (1921—1928)	40
6. Разгром (1929—1933)	49
7. Стабилизация на новой основе (1934—1941)	62
8. От Отечественной войны до XX съезда КПСС (1941—1956)	76
9. Втягиваясь в кризис	85
10. Типы наших ученых и ситуации	98
Петр Петрович Ефименко	109
ГАИМК как центр советской исторической мысли в 1932—1934 годах	162
Русские археологи и репрессии в СССР	185
Первым бросивший камень	218
Следственное дело трех профессоров-историков 1935 года	226
Система поощрений — «пряники»	244
К истории баллотировки В. А. Городцова при выборах академиков АН СССР в 1938 году	257
Проблема памятников культуры в СССР и русские археологи	267
Заключение	314
Список сокращений	325
Указатель имен	326

От автора

В 1961 году увидела свет моя книга «Очерки по истории русской археологии». В 1979—1990 годах к ней добавилось шесть других по той же теме. Почему я ею занялся?

В 1937 году четверо известных ученых и моих учителей — А. В. Арциховский, М. В. Воеводский, С. В. Киселев и С. П. Толстов писали: «Археология и этнография в дореволюционной России владели жалкое существование и за редкими исключениями не выходили за пределы простого собирательства и коллекционерства»¹.

Заглядывая по ходу своей работы в тома «Трудов» археологических съездов и «Материалов по археологии России», напечатанные на прекрасной бумаге широким форматом, крупным шрифтом с бесчисленными таблицами фотографий, и в брошюры «Известий ГАИМК» и «Проблем истории материальной культуры», выпущенные в 1930-х годах почти что на оберточной бумаге с немногими штриховыми рисунками, я не мог не усомниться в этом утверждении. Мне захотелось разобраться в том, что же представляла собой наша наука на разных этапах ее развития.

Такое направление исследований, связанное с попытками многих сверстников понять, какой была Россия до революции, получило определенное признание. Появился ряд работ, написанных в том же духе, что и мои книги².

Сложнее обстояло дело с историей советской археологии. Мне не раз советовали — и на официальном уровне, и на друже-

---

¹ Арциховский А. В., Воеводский М. В., Киселев С. В., Толстов С. П. О методах вредительства в археологии и этнографии // Историк-марксист. 1937. № 2. С. 78.

² См. напр.: Лебедев Г. С. История отечественной археологии (1700—1917 гг.). СПб., 1992; Щавелев С. П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения Южнорусского края. Курск, 1997. Вып. 1, 2. 2002. Вып. 3.

ском — обратиться к осмыслению этого периода. Я отказывался, сознавая, что о некоторых, едва ли не основных, моментах в печати сказать не удастся.

В 1970 году главный редактор издательства «Наука» А. Н. Сахаров (ныне директор Института российской истории РАН) не пропустил в печать мою книгу «Археология и русская культура» из-за достаточно робких рассказов о разрушении памятников прошлого в СССР.

В 1988 году, уже в дни «Перестройки», в издательстве «Московский рабочий», выпускавшем огромными тиражами «Детей Арбата» А. Н. Рыбакова, мне не позволили упомянуть об аресте Б. С. Жукова и его гибели.

После 1991 года обстановка изменилась, и я счел своевременным начать разговор о путях советской археологии, основываясь как на опубликованных материалах, так и на собственных воспоминаниях (с 1945 года), частично (к сожалению, меньше всего) на архивах, а также на расспросах старших коллег³.

Я застал еще ряд археологов, начавших свою деятельность до революции, но теснее всего общался с их учениками — сверстниками моих родителей — тоже научных работников. От рассказов о прошлом они обычно уклонялись, но кое о чем все же проговаривались. В основном об этом поколении ниже и пойдет речь. Что-то в их жизненной позиции я понимаю, а что-то по-прежнему меня удивляет и заставляет искать ответы на недоуменные вопросы.

Реакция окружающих на мои выступления была далеко не одинаковой. Если часть коллег ими заинтересовалась, то другие постарались пресечь появление нежелательной информации. Ученики А. П. Окладникова и А. Н. Бернштама возмущались тем, как я оценивал поведение их учителей. Не понравился и моя реплика на торжественно отмеченный столетний юбилей В. И. Равдоникаса, хотя мало осталось тех, кто знал его лично.

Вследствие этого моя брошюра «Русские археологи до и после революции» была издана символическим тиражом — 80 экземпляров, в продажу не поступила и по существу не достигла читателей. Другие рукописи в печать вообще не пробились.

---

³ *Формозов А. А. Археология и идеология (20—30-е годы) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 70—82; Он же. О книге Л. С. Клейна «Феномен советской археологии» и о самом феномене // РА. 1995. № 3. С. 225—232; Он же. С. В. Киселев — советский археолог 1930—1950-х гг. // РА. 1995. № 4. С. 151—162; Он же. К 100-летию юбилею В. И. Равдоникаса // РА. 1996. № 3. С. 197—202.*

Здесь я хочу суммировать то, что успел сделать в области истории советской археологии. Характер текстов разный.

В 1986 и 1987 годах я прочел для аспирантов Института археологии Академии наук СССР несколько лекций о прошлом нашей науки. Записью их и являются «Русские археологи до и после революции». Дореволюционный период я затрагивал предельно кратко, отсылая слушателей к моим ранее изданным книгам. Пусть начало этого очерка послужит введением к дальнейшим рассказам об археологии советского периода. После упомянутого малотиражного офсетного издания 1995 года текст был исправлен и дополнен. Очерки «Петр Петрович Ефименко», «ГАИМК как центр советской исторической мысли в 1932—1933 годах», «Русские археологи и репрессии в СССР» и «Первым бросивший камень» изданы в 1993, 1998, 1999 и 2000 годах и доработаны⁴.

Наконец последний раздел «Проблема памятников культуры в СССР и русские археологи» написан на основе неопубликованной главы из моей книги «Русское общество и охрана памятников культуры», подготовленной в 1962—1963 годах. Из этой книги я смог издать в сильно урезанном виде только главы о дореволюционной эпохе⁵. За последние годы о разрушениях памятников искусства и старины в СССР говорилось не раз. Но мне кажется, что некоторые мои давние наблюдения стоило бы учесть.

В предложенных вниманию читателей текстах я уделяю особое внимание событиям, умышленно замалчивавшимся в советские годы или освещавшимся совершенно превратно. Гораздо меньше места отведено полевым открытиям, публикациям, истории учреждений, творчеству тех или иных ученых. Все это можно найти в других книгах, и археологи эту сторону дела представляют себе лучше всего. Меня же волнует иное: люди, занимавшиеся наиболее ранними этапами отечественной истории. Одни типы ученых уже давно сошли со сцены, другие — оказались «вечными». На мой взгляд, мы не сможем разумно строить

---

⁴ *Формозов А. А.* Русские археологи и политические репрессии 1920—1940 гг. // РА. 1998. № 3. С. 191—206; *Он же.* Академия истории материальной культуры — центр советской исторической мысли в 1932—1934 годах // Отечественная культура и историческая мысль в XVIII—XX вв. Брянск, 1999. С. 5—32; *Он же.* Первым бросивший камень // Аequinox. МСМХС III. М., 1993. С. 196—204; *Он же.* О Петре Петровиче Ефименко (материалы к биографии) // Очерки истории отечественной археологии. М., 2002. Вып. III. С. 73—126.

⁵ *Формозов А. А.* Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990.

археологические исследования в будущем, если не задумаемся над опытом прошлого, в частности, над человеческими аспектами нашей весьма своеобразной деятельности. Мне хочется понять, как в годы тоталитаризма жили, работали и сумели немало сделать наши ученые. Точка отсчета у меня всюду одна — морально-этическая, если хотите, солженицынская.

Из 75 лет советского периода я подробнее всего останавливаюсь на конце 1920-х — 1930-х годах. Объясняется это тремя причинами. Во-первых, главные установки советской археологии были выработаны именно в эти годы. Во-вторых, в 1940—1980-х годах я уже сам участвовал в научной жизни, и мои оценки для этих лет особенно субъективны. Я не уклоняюсь от оценок, но место им скорее не здесь, а в мемуарах (они написаны). В третьих, существует уже некая традиция в характеристике названного периода — казенно-панегирическая.

Почти одновременно вышли две книги: «Очерки по истории советской археологии. У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии 1920-х — начала 1930-х годов» В. Ф. Генинга (Киев, 1982) и «История советской археологии (1917 — середина 1930-х гг.)» А. Д. Прякина (Воронеж, 1986).

Обе книги получили положительные отзывы в печати. Авторы занимали достаточно ответственные посты. В. Ф. Генинг был заместителем директора и заведующим отделом теории и методики Института археологии Академии наук Украины. А. Д. Прякин и сейчас возглавляет кафедру археологии и истории древнего мира Воронежского университета.

Редактором книги А. Д. Прякина был академик А. П. Дервянко, а рецензентом — академик В. П. Алексеев — в будущем директора двух академических институтов археологии. Благодаря этому апробированная ими концепция стала восприниматься как официальная, общепризнанная. К тому же весьма близка к ней была и позиция будущего директора Института истории материальной культуры РАН В. М. Массона, отраженная в его статье 1980 года и в последующих выступлениях⁶.

В дни «Перестройки» никаких попыток пересмотреть схему, предложенную в первой половине 1980-х годов, предпринято не было. В докладе Д. Б. Шелова на сессии, посвященной семидесятилетию Института археологии АН СССР, в 1989 году она вос-

---

⁶ Массон В. М. У истоков теоретической мысли советской археологии // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 18—26; Он же. Российская археология в «классический» и «позднеклассический» периоды развития науки // Традиции российской археологии. СПб., 1996. С. 13.

произведена полностью⁷. Нежелание отказаться от своих принципов В. Ф. Генинг декларировал до конца своих дней⁸. В изданной в 1989 году к пятидесятилетию Пряхина книге, оснащенной его портретами, имеется предисловие В. П. Алексеева, где историографические работы юбиляра оцениваются весьма высоко⁹.

Да, некоторое представление о внешнем ходе событий книги В. Ф. Генинга и А. Д. Пряхина дают. Нельзя забывать и про то, что в начале 1980-х годов многие моменты осветить в печати было немислимо, а архивные материалы оставались для авторов недоступными. И все же быть снисходительным трудно. Ведь дело не столько в том, о чем не сказано в книгах, сколько в том, о чем сказано там со всей определенностью. Приведу три примера.

В начале 1930-х годов были закрыты все краеведческие общества, а большинство их участников репрессировано. Между тем В. Ф. Генинг и А. Д. Пряхин пишут, что тогда краеведы убедились в полной бесплодности своей деятельности и сами распустили свои объединения¹⁰.

В 1920—1930-е годы в СССР целеустремленно разрушали памятники культуры, А. Д. Пряхин же заявляет о характерной для этого периода любви советских людей к своим национальным реликвиям¹¹.

Кампании «идеологической борьбы» в 1930-х годах, да и позже, завершались, как правило, роковыми для подвергшихся проработке «оргвыводами». В. Ф. Генинг утверждает, что это не так: никто не пострадал, а те, кого критиковали, заслуживали этого¹². В действительности, В. А. Городцов был отовсюду уволен, Ю. В. Готье — арестован и выслан из Москвы, Б. С. Жуков — репрессирован и попал в концлагерь.

Таким образом, В. Ф. Генинг и А. Д. Пряхин нарисовали не просто неполную, а заведомо ложную картину развития археологии в СССР.

---

⁷ Шелов Д. Б. 70 лет Институту археологии // Археология и социальный прогресс. М., 1991. Вып. 1. С. 11—13.

⁸ Генинг В. Ф., Левченко В. Н. Археология древностей — период зарождения науки. Киев, 1992.

⁹ Пряхин А. Д. Археология ... Наследие. Воронеж, 1989. С. 7; *Он же*. Археологи уходящего века. Воронеж, 1999. С. 7.

¹⁰ Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982. С. 47; Пряхин А. Д. История советской археологии. Воронеж, 1986. С. 23.

¹¹ Пряхин А. Д. История советской археологии. С. 204—208.

¹² Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии. С. 119.

Вот этой-то лживой картине я и пытаюсь противопоставить рассказ о реальных событиях той трудной эпохи. Мои младшие коллеги мало об этом знают, плохо понимают, что пережили русские археологи в период тоталитаризма. Надо кому-то об этом напомнить.

Русские археологи до и после революции

1. Истоки

Монография М. К. Каргера «Древний Киев» открывается главой «Никон Печерский (XI век) — первый историк и археолог древнего Киева»¹. А. П. Окладников в 1960 году прочел, а потом напечатал доклад «Триста лет сибирской археологии»². Действительно, в «Повести временных лет» упомянут ряд памятников старины, а в конце XVII столетия в Сибири производились раскопки курганов (правда, с кладонисательскими целями), поиски заброшенных горных разработок — чудских копей, появились сообщения о росписях и гравировках на скалах. Просмотр источников XI—XVII веков показывает, что их авторы знали про курганы и городища, клады и наскальные изображения, надмогильные изваяния и старинные рудники, каменные выкладки — лабиринты и находки кремневых наконечников стрел³. Все это можно принять за отправную точку в истории русской археологии, но это еще не наука в полном смысле слова, а самые дальние подступы к ней.

Нужно различать эмпирические и научные знания. В каком-нибудь глухом углу Вы встретите порой неграмотного старика, помнящего названия всех местных растений. Заезжий молодой биолог может не знать все эти виды, ошибиться при определении одного из них, но это не доказывает, что старик более эру-

---

¹ Каргер М. К. Древний Киев. Л., 1958. Т. 1. С. 11—23.

² Окладников А. П. 300 лет сибирской археологии // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 15—22.

³ Формазов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 7—16.

дированный ботаник, чем еще неопытный специалист. Первый унаследовал от отцов и дедов только некоторый запас сведений о травах, растущих возле родной деревни. Второму доступны не единичные факты, а целая система их, умение рассматривать любой из них в сложном контексте.

То же и с археологией. Народ иногда вернее понимал характер памятников старины, чем первые русские археологии. В начале XIX века они расценивали городища как древние святилища, а курганы — как насыпи, служившие для сторожевых постов. Крестьяне же не сомневались, что в одном случае это остатки запустелых поселков, а в другом — могильные холмы. И все же только ученые смогли создать целостное представление о развитии культуры на территории нашей страны.

В мифопоэтическом сознании прошлое и, в частности, его вещественные памятники, занимало большее место, чем в представлениях современного человека. Происхождение тех или иных древностей объясняли достаточно произвольно. Все же один момент, характерный для начальных этапов истории, был выражен уже четко. Это противопоставление своего и чужого. Чудские копи и могилы, городище Чудаки и другие наименования такого рода в Сибири, Приуралье и на Европейском Севере связаны с легендами о дорусском, языческом, чужом населении этих мест.

Ранние письменные источники отражают по сути дела такое же восприятие памятников старины, как и предания, услышанные фольклористами от крестьян в XIX веке. Нечто иное найдем мы в ряде документов XVI—XVII столетий. Если раньше в костях мамонта, обнаруженных в оврагах и при земляных работах, видели останки мифических великанов — вологов, то теперь возобладала версия о слонах Александра Македонского. Это уже не народное, но еще и не научное объяснение, а типичная книжная легенда. Те же книжные истоки — у пометки на карте С. У. Ремезова относительно китайского храма в устье Амура: «до сего места царь Александр Македонский доходил и ружье спрятал и колокол оставил»⁴. Так же надо расценивать рассказы о Киеве — древней Трое с могилами Гектора и Ахилла в Печорских пещерах, о гробнице Овидия в южно-русских степях, даже сейчас фигурирующие в провинциальных изданиях как «образцы устного народного творчества»⁵.

⁴ *Формозов А. А. Страницы истории... С. 54.*

⁵ *Богач Г. Ф. Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1967. С. 92, 103.*

На грани XVI и XVII веков московские и датские послы вели спор о правах на Лапландию. Датчане ссылались при этом на сведения хрониста XII века Саксона Грамматика, а русские — на повествования летописей о «новгородском державце Валите» — победителе «норвежских немцев», который «на славу себе» соорудил по берегам Белого моря несколько «навильонов» — лабиринтов⁶.

Книжных легенд об археологических памятниках не так уж много, и в развитии археологии большой роли они не сыграли. Зато исторических мифов в XVI—XVII веках сочинили немало, а влияние их на истолкование судеб русского народа сказывается вплоть до самого последнего времени.

В период Ренессанса книжники из Северной и Восточной Европы стремились доказать, что предки германцев или славян обладали не менее высокой культурой, чем древние греки и римляне, и активно действовали в ту же эпоху, что и они. Было придумано отождествление поляков с сарматами, скифов — с русскими. Из страны в страну кочевали легенды о золотой грамоте, данной Александром Македонским славянам, о русском царе Одоначере (Одоакр), правившем Римом тринадцать лет и т. д.⁷

Все это свойственно не только Московской Руси, пожалуй, даже ей в меньшей степени, чем другим странам. Профессор Упсальского университета Олаф Рудбек в конце XVII века пытался убедить читателей, что культура древних скандинавов была выше античной, и именно от них греки заимствовали алфавит, религию, астрономию, что к Северу приурочены Атлантида, гиперборейцы, сады гесперид, острова Фортуны, елисейские поля. Оттуда же люди заселили Европу и Азию⁸.

В Россию разные псевдоученые построения проникали через Польшу, Литву, Белоруссию. Но у нас, в отличие от Запада, они удержались особенно долго. Прославлявший Одоначера «Синописис», составленный в Киеве в 1674 году, переиздавался до 30 раз, печатался в типографии Академии наук. Именно он послужил одним из главных источников для «Краткого Российского летописца» Ломоносова.

---

⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1924. Т. XI. С. 43, 44, прим. с. 21. Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. С. 9, 10.

⁷ Формозов А. А. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995. С. 8—15. Мыльников А. С. Картина славянского мира. СПб., 1996.

⁸ Видаль-Накэ П. Черный охотник. М., 2001. С. 379—391.